

**ИРРЕАЛЬНЫЕ НАКЛОНЕНИЯ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ТЕКСТАХ Т. ТОЛСТОЙ
И Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА**

Художественное повествование представляет собой повествование о вымышленных, созданных творческой фантазией художника и в этом смысле фиктивных событиях. В речи повествователя функционирует большое число видовременных глагольных форм, образующих оппозиции по различным признакам и приобретающих в художественном тексте новые синтаксические значения. Художественный текст развёртывается исходя из авторского отношения к действительности, что включает в себя отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение ситуации к реальному миру (реальность, желательность, ирреальность). В речи повествователя значения наклонения приобретают модальные характеристики, помогающие оформить точку зрения на описываемую ситуацию, т.к. наклонение — это «грамматикализованная модальность» [1, с. 309]. «Одной из функций временных форм глаголов ... является разграничение модальных планов содержания повествования, т.е. отграничение того, что излагается автором как реальное, действительно совершающееся в произведениях от того, что он описывает как нереальное, лишь кажущееся кому-либо из персонажей, в действительности же не происходящее» [2, с. 102]. В речи повествователя доминирует представление реальных событий, явлений, действий, объективно происходивших в прошлом, имеющих место в настоящем или тех, которые могут произойти в будущем, что создаёт предпосылку для преобладания в художественных текстах Т. Толстой и Л. Дранько-Майсюк воспроизведения реальных ситуаций, находящихся отражение в частотности форм индикатива.

В повествовании Т. Толстой и Л. Дранько-Майсюка формы ирреальных наклонений, выступая в разновидностях синтаксического значения, выражают некоторые аспекты модальности текста. Значения ирреальной модальности описывают ситуации, которые не имеют, не могут или не должны иметь места в реальном мире, создавая некоторый «альтернативный» мир, существующий в сознании повествователя в момент высказывания. Для речи повествователя у Т. Толстой более характерны формы повелительного наклонения, а для речи повествователя у Л. Дранько-Майсюка — формы сослагательного наклонения. Глагольная форма в императиве обозначает попытку говорящего самим своим высказыванием каузировать кого-то совершить некоторое действие. В идностиле Т. Толстой и Л. Дранько-Майсюка используются конструкции со смягчением категоричной императивной семантики, что достигается использованием формы с частицей *пусть / хай, няхай*, которая может относиться не только к субъекту, но и к неодушевлённым явлениям: *Пусть, подумали мы, в том закуте, где отваливается от стены рукомойник, где на полке стоят банки засохшей олифы и коробки со слитшимися гвоздями, — пусть там бу-*

дет Версаль (Т. Толстая «Белые стены»); *Прижмусь к темному подолу, и пусть твои теплые старенькие руки отогреют мое замерзшее, заблудившееся, запутавшееся сердце!* (Т. Толстая «Любишь — не любишь»); *Хай праляжа шлях для нашага тэатра, да прыкладу, па рускіх бальшаках другой паловы дзевятнацатага стагоддзя* (Л. Дранько-Майсюк «Паэт і вандроўныя акцёры»); *Аднак няхай Вас ратуюць колы аўтобуса ад самотнага выгляду старавечных млыноў, што ахвяруюць паэтам змрочныя метафары* (Л. Дранько-Майсюк «На радзіме Ціля Ёленшпігеля»). Приём персонификации смягчает императивность, которая сближается с модальностью желательности. Через использование форм императива при создании плана прошлого в речи повествователя возникает план будущего, что создаёт иллюзию развития событий на глазах читателя. Благодаря данному стилистически маркированному употреблению форм императива достигается эффект вовлечения читателя в повествование, а образ повествователя приобретает экспрессивность.

В идностиле Т. Толстой формы императива, отличаясь большей частотностью, могут использоваться для выражения обобщённого требования, не связанного конкретным субъектом, в результате чего смягчается присущая императиву категоричность: *Вали всё подряд: мандарины, золочёные орехи, шоколадные конфеты (растают от тепла, и пусть себе тают), дождь золотой, дождь серебряный, дождь витой и дождь струящийся, свечи и лампочки, и невозможные, и выкопанные с самого дна коробок золочёные кукурузные початки (откуда это? Не с хрущёвских ли времён?), и плоские, картонные, с оторванными ногами сталинские дедморозы, больше похожие на пьяниц, и просто золотые шарики, наверхенные праздными пальцами из конфетной фольги* (Т. Толстая «Ночь Феникса»); *Хочешь — распусти волосы с обеих сторон, не нравится — заberi их под тугой ободок, подними воротник пальто, папиросу в зубы* (Т. Толстая «Лилит»). В результате на первом плане в семантике формы выступает желательность как сопутствующий элемент императивной семантики. Аналогичный эффект возникает при отнесенности императива к неодушевлённому адресату: *Ну все, время, проходи! Год, кончайся! Тебя ли, молодого, мы так ждали двенадцать месяцев назад? Старый, надоевший, поспеши!* (Т. Толстая «Ночь Феникса»). В условно-уступительных конструкциях с императивом выражается модальное значение уверенности повествователя в упоминаемом результате: *Вот оторвется пуговка от манжеты, укатится под кровать, и — все: шарь не шарь, тыкай не тыкай веником, пропала навеки* (Т. Толстая «Йорик»). Императив с отрицанием, обладая значением предупреждения, также указывает на осведомлённость повествователя в развитии событий: *Шляпа-каска глубоко надвинута на глаза, — не смотри, не всматривайся, не заглядывай, ничего не прочтешь* (Т. Толстая «Лилит»).

В художественной речи Т. Толстой императив употребляется как яркое средство выражения настроения персонажа, особенно детского возраста, функционируя как способ проявления его требований: *Стряхните мне крошки с простыни, остудите подушку, расправьте одеяло, чтобы ни од-*

ной складочки, иначе вернутся самолетики с коготками! (Т. Толстая «Любишь — не любишь»); *Да допивай ты скорее! Смотри, драгоценные часы с ненашими цифрами и змеиными стрелками! А эти — с незабудками! Ах, но вон те, вон те, смотри же!* (На золотом крыльце сидели...) Формы императива выступают как грамматический способ создания экспрессивной речи девочки. Открытое требование, содержащееся в семантике повелительного наклонения, изображает ребёнка как эгоцентричного, сконцентрированного на собственном «я», отражая открытое заявление желаний, характерное для человека этого возраста. В целом формы императива репрезентируют образ повествователя как категоричный, который смягчается за счёт использования формы императива с частицей *пусть*, отнесенности императива к неодушевлённому субъекту, а также семантики обобщённого требования. Категоричность образа повествователя, создаваемая семантикой императива, в большей степени характеризует идиостиль Т. Толстой, что находит отражение в частотности данных форм.

В речи повествователя Т. Толстой и Л. Дранько-Майсюка формы сослагательного наклонения используются в гипотетическом значении, отличаясь большей частотностью в идиостиле последнего автора: *А если бы Александра Эрнестовна согласилась тогда все бросить и бежать на юг к Ивану Николаевичу? Где была бы она теперь?* (Т. Толстая «Милая Шура»); *Я ведаю: змест гэтага адкрыцця любы французскі, і не толькі французскі, літаратурны пачатковец здолеў бы імгненна накрэсліць чорнай крэйдай (мусіць, і такая ёсць) на чорнай дошцы!* (Л. Дранько-Майсюк «Водар вільготнага траўня»); *Народжаны з крыжам у душы, Ты не зганіў бы гэтае пераўтварэнне, бо самае каштоўнае ў Тваіх камуністычных паэмах — адсутнасць застыгласці* (Л. Дранько-Майсюк «Характар Арменіі»). При таком употреблении формы сослагательного наклонения сближают образ повествователя с образом автора, оформляя рассуждения автора не только о реальной ситуации, но и о возможной. В целом формы сослагательного наклонения делают повествование более многогранным, освещая различные варианты развития действия.

Таким образом, формы ирреальных наклонений в повествовании выступают как средство оформления образа повествователя. Категоричный образ повествователя, реализуемый в текстах Т. Толстой, обусловлен частотностью форм императива, категоричность которых может смягчаться при наличии частицы *пусть*, приёма персонификации, семантики обобщённого требования. Формы сослагательного наклонения, характерные для идиостиля Л. Дранько-Майсюка, создают размышляющий образ повествователя, стремящийся осветить различные варианты развития действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плузьян, В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. — М., 2000.
2. Фридман, Л.Г. Грамматические проблемы лингвистического текста. — Ростов н/Д., 1984.